

Г18580ц

П. Я. Стебницькій.

УКРАИНА

И

УКРАИНСЬКІ.

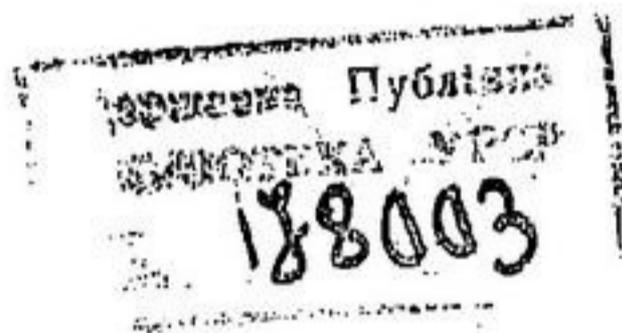

ПЕТРОГРАД.

Печатня вид-ва „Друкаръ”. Невскій пр., 88.

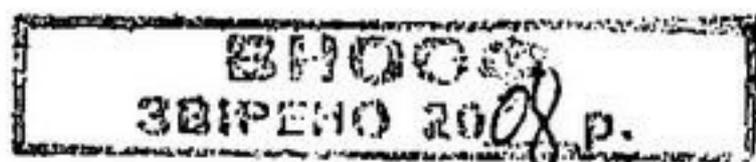
1917.

Видавниче Т-во „ДРУКАРЬ“ у Петрограді.

1966

111-21

Украина и украинцы.

Революція 1917 г. окончательно освободила Россію отъ угнетавшаго ее абсолютизма и поставила предъ нею великую и сложную задачу устроения государственной жизни страны на новыхъ началахъ—свободы, справедливости и демократизма. Нынѣшніе руководители судебъ государства и тѣ будущіе созидатели новаго строя, которымъ народъ вручитъ интересы страны, на Учредительномъ Собраніи, въ своей творческой работѣ должны быть свободны не только отъ пропитанныхъ насиліемъ пріемовъ стараго управленія, но и отъ свойственныхъ ему застарѣлыхъ предразсудковъ, въ основѣ которыхъ лежала подозрительность и вражда къ освободительнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ группъ населенія Россіи—соціальныхъ, религіозныхъ, національныхъ. Особенно тяжелый слѣдъ оставила по себѣ въ исторіи Россіи національная политика правительства, основанная на узкой племенной исключительности, послѣдовательное проведеніе которой превратило идею государственнаго единства въ политику обезличенія и подавленія живыхъ народныхъ силъ страны. Украинской народности эта политика нанесла неисчислимыя удары и трудно поправимый вредъ. Но какъ вольное теченіе рѣки естественнымъ путемъ очищаетъ воду отъ вреднаго воздѣйствія стороннихъ примѣсей, такъ будущій свободный демокра-

тической строй Россіи долженъ залѣчить раны и устранить кривды, испытанныя украинскимъ народомъ. Предлагаемый очеркъ закончившагося съ революціей періода этихъ испытаній имѣетъ цѣлью освѣтить современныя чаянія украинскаго общества и тѣ пути, какіе оно считаетъ наиболѣе правильными для полнаго разрѣшенія украинскаго вопроса.

I.

Украина до соединенія съ Московскимъ царствомъ.

Южно-русская или украинская группа племенъ восточнаго славянства заняла свою нынѣшнюю территорію еще въ эпоху славянскаго расселенія (IV—VII вв. по Р. Х.). Въ предѣлахъ Россіи до войны 1914 г. украинцы занимали сплошною массою губерніи: Кіевскую, Подольскую, Волинскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую, почти всю Черниговскую, значительныя части губерній Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, Бессарабской, Таврической, части Курской, Воронежской, Черноморской, Ставропольской губерній, Донской и Кубанской областей. Въ Австріи украинцами населены восточная Галиція и Буковина, въ Венгріи—сѣверо-восточные комитаты. На этой территоріи украинское населеніе составляетъ въ Россіи около 28 милл., въ Австріи—около 4 милл., въ Венгріи—около $\frac{1}{2}$ милл. и, сверхъ того, около 3 милл. разсѣяно колоціями въ Европейской Россіи, Сибири и Америкѣ.

Въ періодъ X—XIII вв. украинская Русь создала свою государственность, центрами которой послѣдовательно были Кіевъ и Галичъ. Въ этомъ же періодѣ творилась мѣстная культура на народной основѣ, съ привходящими вліяніями иноземныхъ культуръ—восточной, византійской и, подъ конецъ, западно-европейской. Дальнѣйшій ростъ южно-

русской государственности и культуры былъ задержанъ соперничествомъ сѣверно-русскихъ племенъ, а затѣмъ вовсе парализованъ татарскимъ нашествіемъ. Власть татаръ надъ ослабленною и разоренною южною Русью смѣнилась властью Литовскаго государства, въ составъ котораго, на протяженіи XIV в., мало-по-малу вошли почти всѣ украинскія земли.

Къ этому времени окончательно сформировалась украинская народность въ цѣльный этнической и культурный типъ, съ общимъ языкомъ, бытомъ и духовною жизнью отъ Днѣпра до Карпатъ. Ея историческое имя „Русь“ къ этому времени усваивается преимущественно великорусскою народностью и московскимъ государствомъ, которое смотрѣло на себя, какъ на единственнаго наследника пришедшей въ упадокъ старой кievской Руси. Южнорусская територія получаетъ оффиціальное, книжное имя „Малой Руси“, Малороссіи, но въ народное употребленіе все шире входитъ, въ качествѣ національнаго имени, извѣстный еще съ XII в. географическій терминъ „Украина“. Къ XVII в., когда украинское Поднѣпровье сдѣлалось очагомъ національныхъ движеній и средоточіемъ національно-государственной жизни, это имя окончательно утвердилось въ качествѣ термина этнографическаго и политическаго. Въ этомъ смыслѣ употребленіе понятій „Украина“ и „украинцы“ закрѣплено было оффиціальными актами XVII и XVIII вв. и прочно вошло какъ въ народное самосознаніе, такъ и въ литературу.

Послѣ соединенія Литовскаго княжества съ Польшею (1385 г.), украинскія земли подпали влiянiю польскаго государственнаго строя. Тяжелый національный и экономическій гнетъ, которому съ этого времени подверглась украинская народность со стороны господствующаго польскаго элемента, вызвалъ долгую и упорную борьбу украинцевъ за

свои національныя права, въ которой широко развернулись духовныя силы народа. Руководящимъ центромъ этой борьбы было украинское козачество, организовавшее полунезависимую военную республику—Запорожскую Сѣчь, отъ которой чаще всего исходила инициатива вооруженныхъ протестовъ противъ польско-шляхетскаго господства. Средній классъ и духовенство вели широкую культурно-просвѣтительную работу, организуя народные массы, руководя ихъ духовною жизнью и укрѣпляя ихъ національное самосознаніе. Зато верхніе слои украинскаго общества легко поддавались соблазну классовыхъ и служебныхъ преимуществъ и общему вліянію польской культуры, постепенно денационализуясь и переходя въ ряды польской шляхты. Вторая половина XVI и первая XVII в. ознаменованы рѣзкимъ обостреніемъ національныхъ и сословныхъ антагонизмовъ на Украинѣ, которое выразилось въ рядѣ послѣдовательныхъ народныхъ возстаній, разгорѣвшихся въ великую войну за освобожденіе Украины отъ польскаго ига (1648 г.).

Шесть лѣтъ (1648—1654) украинцы, съ Богданомъ Хмельницкимъ во главѣ, вели упорную борьбу, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Выяснившаяся необходимость опереться въ этой борьбѣ на одно изъ сильныхъ сосѣднихъ государствъ побудила Богдана Хмельницкаго вступить въ соглашеніе съ Москвою. На Переяславской радѣ 1654 г. Украина торжественно признала надъ собою верховенство московскаго царя на условіяхъ, точно формулированныхъ въ царской резолюціи на петиціи гетманскаго правительства.

Въ это время Украина была фактически сувереннымъ государствомъ. Глубоко заложеныя въ характерѣ украинской народности демократическія начала, традиціи древняго вѣчевого уклада Кіевской Руси и, наконецъ, условія, при которыхъ укра-

инское государство возникло и организовалось, придали ему характеръ полу-военной республики, съ выборнымъ правительствомъ, совмѣщавшимъ въ своихъ рукахъ законодательную, исполнительную и военную власть. Присоединеніе къ Москвѣ, въ представленіи украинцевъ, имѣло характеръ личной уніи и ни въ чемъ не нарушало автономнаго строя Украины. „Статьями Богдана Хмельницкаго“, которыя легли въ основу украинской конституціи, Украинѣ обезпечивалось полное самоуправленіе съ свободно избираемымъ гетманомъ во главѣ. Ему предоставлялось право сношеній съ другими государствами, гарантировалось самоуправленіе сословіи, автономія церкви, неприкосновенность суда. Украина имѣла свое отдѣльное войско, въ числѣ 60,000; находившееся въ завѣдываніи гетмана.

Вскорѣ, однако, между центральнымъ Московскимъ правительствомъ и украинскою автономіей обнаружилась серьезныя тренія, обусловленные кореннымъ различіемъ государственныхъ началъ, выработанныхъ на протяженіи исторіи великорусскою и украинскою народностями. Стремленія Москвы распространить на Украину свой централистическій строй и свою структуру соціальныхъ и экономическихъ отношеній создали въ московской государственной жизни „украинскій вопросъ“, переданный затѣмъ въ наслѣдіе, въ послѣдовательно измѣняющихся формахъ, Россійской имперіи.

II.

Украинская политика Москвы и Россіи въ XVII—XVIII вв.

Сперва сдержанно и осторожно, затѣмъ все съ большою рѣшительностью московское правительство принимаетъ мѣры къ постепенному суженію и ослабленію украинской автономіи. На Украинѣ послѣдовательно вводятся органы московской администраціи, ихъ функціи мало-по-малу расширяются, въ ихъ руки переходитъ завѣдываніе финансами края. Власть гетмана постепенно ограничивается, церковь приводится въ подчиненіе московскому патріарху. Каждое проявленіе оппозиціи со стороны украинскихъ правящихъ круговъ (козацкой старшины) усиливаетъ централистическія тенденціи Москвы по отношенію къ Украинѣ, сдерживаемыя только страхомъ предъ вспышками народныхъ движеній.

Процессъ разложенія политическаго строя проходилъ не безъ протестовъ со стороны сознательныхъ элементовъ украинскаго общества. Уже Богданъ Хмельницкій задумывалъ разрывъ съ Москвою и вступленіе въ тѣсный союзъ съ Швеціей и Трансильваніей. Его преемники, послѣ неудавшихся попытокъ добиться отъ Московскаго правительства гарантій автономнаго строя, искали опоры своимъ стремленіямъ въ союзахъ съ Польшею, Турціею, Швеціею: гадячскимъ трактатомъ 1658 г. украинская старшина, съ гетманомъ Выговскимъ

во главѣ, давала согласіе на возвратъ подъ верховенство Польши, подъ условіемъ полной автономіи для образованнаго изъ украинскихъ земель „великаго княжества русскаго“; договоромъ съ Турціей 1669 г. гетманъ Дорошенко стремился обезпечить автономію Украины подъ турецкимъ протекторатомъ; договоры Мазепы и Орлика съ Карломъ XII 1709 и 1710 гг. и возстаніе сгруппировавшихся около Мазепы украинскихъ автономистовъ 1709 г. — были послѣднею и наиболѣе яркою вспышкою протеста Украины противъ нарушенія Москвою основаній соглашенія 1654 г.

Въ своихъ автономистскихъ стремленіяхъ украинская старшина не имѣла твердой опоры въ широкихъ массахъ украинскаго народа, которыя относились къ своимъ правящимъ кругамъ подозрительно, въ силу обострившихся социальныхъ отношеній. Но и народныя массы Украины не оставались равнодушными къ внѣдренію въ мѣстную жизнь чуждыхъ началъ московскаго бюрократическаго централизма. Первая, болѣе смѣлая, попытка введенія московской администраціи и системы казенныхъ сборовъ на Украинѣ въ 1665—1666 гг. вызвала народное движеніе, съ полною ясностью обнаружившее ненависть украинскаго народа къ московскимъ гарнизонамъ, воеводамъ и всякимъ порядкамъ, насаждавшимся агентами московскаго правительства.

Борьба Москвы съ оппозиционными элементами украинскаго народа дала возможность Польшѣ выступить съ притязаніями на утраченную территорию. По Андрусовскому договору (1667 г.) Москва, ради примиренія съ Польшей, уступила ей—опять таки въ нарушеніе договора съ Богданомъ Хмельницкимъ—почти всю правобережную Украину, которая и оставалась подъ польскимъ владычествомъ до второго раздѣла Польши (1793 г.), когда Россія вновь присоединила къ себѣ эти земли.

Со времени Андрусовскаго соглашения Московская бюрократія проявляетъ большую осторожность въ ломкѣ внѣшнихъ формъ украинскаго строя, предпочитая ослаблять и атрофировать ихъ путемъ усиленія соціальныхъ и классовыхъ антагонизмовъ страны. Въ среду украинской старшины вносится разлѣженіе: непокорная оппозиція запугивается перспективою утраты имущественныхъ правъ, а отказъ отъ автономистскихъ стремленій вознаграждается укрѣпленіемъ и расширеніемъ помѣщичьей власти высшихъ классовъ надъ свободнымъ крестьянствомъ. Цѣною порабощенія народныхъ массъ Украины постепенно достигалось ея политическое объединеніе съ Россіей.

Уже при утвержденіи Мазепы въ гетманскомъ достоинствѣ московское посольство выражало пожеланіе, чтобы „никто-бы голосовъ такихъ не испускалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента, а отзывались-бы вездѣ единогласно—ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина и народъ Малороссійскій общесъ Великороссійскимъ народомъ“. Послѣ же неудачнаго возстанія Мазепы Петръ I повелъ самую рѣшительную политику уничтоженія украинскаго автономнаго строя, чтобы „Малую Россію къ рукамъ прибрать“, по выраженію одного изъ царскихъ приближенныхъ. Сперва онъ еще болѣе ограничиваетъ гетманскую власть, затѣмъ фактически во все ее упраздняетъ, оставляя постъ гетмана, по смерти Скоропадакаго, незамѣщеннымъ. Управление Украиной поручается „Малороссійской коллегіи“, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ, кромѣ верховныхъ административныхъ и судебныхъ функцій, также контроль за финансами края. Козацкое войско широко эксплуатируется внѣ предѣловъ Украины—для военныхъ авантуръ (персидскій походъ), для тяжелыхъ техническихъ работъ (рытье сѣверныхъ каналовъ). Проявленія протеста подавляются безпощадными репрессіями.

Преемники Петра I, въ виду общаго недовольства на Украинѣ, вызваннаго его рѣзкой политикой, нѣсколько смягчили централизаторскій режимъ. „Малороссійская коллегія“ была уничтожена, время отъ времени давалось разрѣшеніе избрать гетмана. Екатерина II возвращается къ политикѣ Петра I, возстановляетъ „Малороссійскую коллегію“ и уничтожаетъ остатки украинской автономіи, послѣдовательно стремясь искоренить въ украинцахъ „развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго (т. е. великорусскаго) совсѣмъ отличнымъ“. Гетманская власть была окончательно отмѣнена, въ виду необходимости для Россіи заботиться, по выраженію Екатерины, „чтобы вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство“. На Украину распространена общеимперская администрація въ формѣ губернскихъ учрежденій, съ отмѣною сохранившихся еще особенностей прежняго мѣстнаго строя. Уничтоженъ послѣдній очагъ украинской автономіи—Запорожское войско. Введено дворянское сословіе и табель о рангахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено крѣпостное право по общеимперскому образцу. Сотни тысячъ свободныхъ поселянъ и козаковъ, вмѣстѣ съ милліонами десятинъ украинскихъ земель, роздано въ даръ царскимъ фаворитамъ, новому дворянству и разнымъ авантюристамъ.

Уничтожая политическую обособленность Украины, правительство не оставляло безъ вниманія и національно-культурной жизни украинскаго народа, особенности которой представлялись московскимъ людямъ либо порожденіемъ „латинской прелести“, либо вообще излишними и вредными уклоненіями отъ національнаго русскаго единства. Еще манифестъ царя Алексѣя, по заключеніи договора съ Хмельницкимъ, рекомендовалъ украинцамъ стереть свои внѣшнія этнографическія отличія: „раздѣ-

лѣніе съ поляками сотворите какъ вѣрою, такъ и чиномъ; хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите“. Петръ I указомъ 1720 г. требуетъ, чтобы книги, печатаемыя въ украинскихъ типографіяхъ, были очищены отъ всѣхъ особенностей украинскаго языка или переведены на „великороссійское нарѣчіе“, — „дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ не было“. Одновременно начинается преслѣдованіе заграничной украинской литературы, — такъ называемыхъ книгъ „львовской печати“. Въ высшей школѣ Украины — кіевской академіи — вводится преподаваніе на великорусскомъ языкѣ. Новыя школы, учреждаемыя на Украинѣ русскимъ правительствомъ, имѣютъ вполнѣ великорусскій характеръ. Принимаются, наконецъ, спеціальныя мѣры противъ украинскаго произношенія въ школьной практикѣ и церковной службѣ.

Протесты украинцевъ противъ политики великорусскаго централизма не прекращались, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, въ теченіе всего XVIII столѣтія, свидѣтельствуя о томъ, что никакія административныя мѣропріятія не въ состояніи заглушить историческихъ традицій и живого національнаго самосознанія украинскаго народа. Раздавались смѣлые голоса единичныхъ борцовъ за автономныя права Украины (Полуботокъ), подавались петиціи, пріѣзжали въ Петербургъ депутаціи. Созывъ Екатериною „комиссіи уложенія“ подалъ поводъ украинскому обществу во всеуслышаніе заявить правительству о своихъ стремленіяхъ. Въ наказахъ и инструкціяхъ депутатамъ отъ разныхъ сословій и мѣстностей населеніе Украины единогласно требовало возвращенія старыхъ правъ, на которыхъ „гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу все-россійскую“. Несмотря на цензуру и конфискацію особенно рѣзкихъ наказовъ, несмотря на репрессіи противъ „украинскаго коварства и своевольства“,

правительство не смогло помѣшать общественному мнѣнію украинцевъ достаточно ярко и опредѣленно формулировать свои, по выраженію Румянцова, „фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли“.

Болѣе горячіе украинскіе патріоты еще и въ это время возвращались къ старымъ планамъ—искать опоры противъ московскаго централизма у сосѣднихъ государствъ. Такъ, въ 1791 г. одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи, Капнисть обращается къ прусскому канцлеру съ запросомъ, могутъ ли украинцы, „доведенные до отчаянія тиранніею русскаго правительства“, разсчитывать на помощь Пруссіи въ своихъ стремленіяхъ къ „освобожденію отъ русскаго ига и возстановленію стараго козацкаго строя“. Но политическія условія момента не давали опоры такимъ мечтаніямъ, а процессъ внутренняго разложенія, на почвѣ сословно-экономическихъ отношеній, окончательно деморализовалъ украинское общество. Съ ликвидаціей національно-политической обособленности Украины, къ концу XVIII в. украинская оппозиція русскому централизму затихаетъ въ сознаніи своего безсилія и безцѣльности.

III.

Національное возрожденіе на Украинѣ и ре- прессіи противъ украинской идеи.

Вторично на протяженіи своей исторіи Украина утратила значительную часть своей интеллигенціи, въ лицѣ верхнихъ слоевъ украинскаго общества, тяготѣвшихъ къ источникамъ власти и матеріальныхъ преимуществъ. Народныя массы были брошены въ жертву крѣпостничеству, невѣжеству и политической деморализаціи. Соціальныи расколъ, денационализація верхнихъ классовъ и централистическая система управленія привели къ полному упадку общественной жизни и національной культуры на Украинѣ. Но огонь національнаго самосознанія не погасъ у украинцевъ и въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ. Нашлись новыя общественныя силы, которыя возродили національное движеніе на иныхъ началахъ, помимо доминировавшихъ въ недавнемъ прошломъ классовыхъ притязаній. Источникомъ національнаго возрожденія на этотъ разъ явилось живое слово украинскаго народа, его творческій духъ, лишь придавленный, но не заглушенный мрачною политической обстановкой. Изученіе души народа и изображеніе его жизни красками живой народной рѣчи сдѣлалось цѣлью новаго теченія украинской литературы, начало которой было положено на исходѣ XVIII в. полтавцемъ Котляревскимъ. Не заглохла и политическая мысль

на Украинѣ: одновременно съ первыми литературными произведеніями на украинскомъ языкѣ, пріобрѣтаетъ не менѣе широкую популярность политическій памфлетъ „Исторія Руссовъ“, съ необычайною яркостью отразившій въ себѣ горячую любовь украинцевъ къ родному краю, ихъ автономистскія стремленія, ихъ глубокій демократизмъ и ненависть къ утвердившимся на Украинѣ, съ новымъ политическимъ строемъ, насилію и произволу. Этими первыми выступленіями опредѣлились главные пути, которыми шло развитіе украинской національной идеи въ дальнѣйшемъ, и тѣ формы, которыя принимала она въ теченіе XIX в.

Литературное движеніе на основѣ народнаго украинскаго языка сразу выдвинуло рядъ талантливыхъ поэтовъ и беллетристовъ, произведенія которыхъ, посвященныя быту украинскаго крестьянства, во многомъ предупредили своими настроеніями народническій періодъ русской литературы. Близкая по формѣ и содержанию народнымъ массамъ Украины, обновленная украинская литература послужила могучимъ факторомъ украинскаго національнаго возрожденія. Аналогичныя движенія въ средѣ славянскихъ народностей западной Европы, пробудившія интересъ къ славянству въ ученномъ мірѣ, дали украинской идеѣ новое научное обоснованіе, поставивъ ее въ связь съ общимъ стремленіемъ человѣчества пріобщить народныя массы къ достиженіямъ міровой культуры. Но путь къ культурному подъему народа въ Россіи преграждало крѣпостное право, и потому въ первыхъ же произведеніяхъ украинскаго литературнаго творчества выразительно зазвучала нота протеста противъ крѣпостническаго строя, у отдѣльныхъ авторовъ (Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Марко-Вовчокъ и особенно Шевченко) достигавшая большой силы. Воспоминанія о славномъ историческомъ прошломъ, о войнахъ за національную свободу, объ

утраченныхъ вольностяхъ также служили темами для украинскихъ писателей, усиливая значеніе украинской литературы для роста и укрѣпленія національнаго самосознанія въ украинскомъ обществѣ и народныхъ массахъ.

Идея равноправія украинской народности съ другими отраслями славянскаго племени нашла себѣ отраженіе въ программахъ общественныхъ организацій первой половины XIX в. и, въ томъ числѣ, въ настроеніяхъ декабристскаго „Общества Соединенныхъ славянъ“, пропагандировавшаго славянское единеніе на фѣдеративно-демократической основѣ. Наиболѣе полное развитіе эта идея получила въ уставѣ „Кирилло-Меѳодіевскаго братства“, основаннаго въ 1846 г. Костомаровымъ, при участіи Шевченка, Кулиша и другихъ выдающихся украинскихъ дѣятелей. Это была первая украинская организація съ политической программой, возникшая по прекращеніи политической жизни на Украинѣ. Своею цѣлью братство поставило пропаганду славянскаго единенія и фѣдерации славянъ на основѣ свободы и автономіи каждаго отдѣльнаго народа. Въ составъ фѣдерации должны были войти великороссы, украинцы, поляки, чехи, лужичане, хорутане, сербы и болгары; каждая изъ этихъ народностей образовывала особую республику, каждая пользовалась своимъ языкомъ, литературою, общественнымъ устройствомъ; всюду предполагалось осуществить начала свободы и равенства, уничтожить сословныя привилегіи и крѣпостное право, ввести широкое просвѣщеніе, всеобщее выборное начало и т. п.

Кирилло-Меѳодіевцы не успѣли еще приступить къ организованной пропагандѣ своихъ идей, какъ уже были арестованы и подверглись болѣе или менѣе суровымъ карамъ. Особенно пострадалъ гениальный поэтъ самородокъ Шевченко, которому пришлось искупать, кромѣ прикосновенности къ

братству, еще и крайне рѣзкій тонъ своихъ политическихъ стихотвореній. Разгромомъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства открылся новый періодъ правительственныхъ репрессій противъ украинскаго національнаго движенія. Литература на украинскомъ языкѣ, до того не встрѣчавшая противодѣйствія, была поставлена подъ подозрѣніе, въ качествѣ проявленія украинскаго „сепаратизма“, какъ и научная дѣятельность, связанная съ интересомъ къ исторіи и этнографіи Украины.

Только съ наступленіемъ освободительныхъ вѣяній—въ концѣ 50-хъ годовъ—могла возобновиться работа украинскихъ общественныхъ дѣятелей. Ряды украинской интеллигенціи пополнились многими выдающимися писателями и учеными. Возникла періодическая пресса для пропаганды украинской національной идеи („Основа“), началась организація народной школы на украинскомъ языкѣ. Высокій идейный характеръ украинскаго движенія вызвалъ случаи возврата къ родному народу отдѣльныхъ идеалистовъ изъ ополяченныхъ украинскихъ фамилій (Антоновичъ, Рыльскій). Задачи, составлявшія практическую программу украинскихъ дѣятелей въ этомъ періодѣ, носили преимущественно національно-культурный характеръ, но въ основѣ ихъ чаяній, по прежнему, лежала идея политическаго освобожденія Украины, какъ одной изъ составныхъ частей будущей федераціи. „Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него-же вѣруемъ и его-же чаемъ“,—писалъ Костомаровъ въ 1860 г. на страницахъ герценовскаго „Колокола“,— „наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ...“—„Пусть-же,“—заканчиваетъ онъ свою, по

опредѣленію Герцена, „превосходную“ статью, — „ни великороссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Поворотъ въ сторону реакціи, обозначившійся въ настроеніяхъ правительства въ связи съ польскимъ возстаніемъ 1863 г., обрушилъ новыя репрессіи на украинское движеніе, которое теперь объявлялось результатомъ „польской интриги“, хотя и историческое прошлое украинскаго народа и современныя національныя отношенія въ украинскихъ областяхъ свидѣтельствовали противъ такого обвиненія. Исходя изъ этого предположенія и рѣшительно заявляя въ своемъ циркулярѣ 1863 г. по цензурному вѣдомству, что „никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ запретилъ изданіе на этомъ языкѣ книгъ „духовнаго содержанія, учебныхъ и назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа“, сохранивъ право на существованіе лишь за изящной украинской литературой.

Въ 70-хъ годахъ, благодаря нѣкоторому облегченію цензурнаго режима, украинская интеллигенція вновь получила возможность оживить свою культурную работу. Около юго-западнаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества сгруппировались выдающіяся силы, въ короткое время много сдѣлавшія для изученія края, его экономическихъ и соціальныхъ условій. Подъ вліяніемъ достиженій западно-европейской науки, украинскіе дѣятели этого періода расширили программу національнаго движенія, удачно сочетавъ ее съ идеями социализма. Выдающійся ученый и публицистъ Драгомановъ, идеологъ этого теченія украинской политической мысли, формулировалъ свои стремленія въ слѣдующихъ основныхъ пунктахъ: федерализмъ въ отношеніяхъ съ сосѣдними народностями, свобода личности въ рамкахъ общественной жизни,

соціалізмъ въ економічнихъ вопросахъ, раціоналізмъ и реалізмъ въ вопросахъ науки и искусства. Національну автономію Драгомановъ мисливъ въ формѣ свободного союза мелкихъ національно-территоріальныхъ единицъ („громадъ“) по всей Украинѣ, съ полнымъ обезпеченіемъ правъ національнаго меньшинства.

Эволюція украинскаго движенія въ сторону идей общечеловѣческаго соціального прогресса не прошла мимо вниманія оѣфициальной Россіи. Въ 1876 г. были приняты новыя энергичныя мѣры противъ „украинофільства“, которое, по выраженію вдохновителя этихъ мѣръ—Юзефовича, хотя и не имѣетъ корней въ народѣ, но опасно тѣмъ, что оно „маскируетъ собою идеи соціализма“. Юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества былъ закрытъ, Драгомановъ лишенъ университетской кафедры и вынужденъ былъ эмигрировать, цѣлый рядъ другихъ украинскихъ дѣятелей подвергся административной ссылкѣ. Преслѣдованіе направлялось на все движеніе въ цѣломъ, въ томъ числѣ и на такихъ его представителей, которые не раздѣляли идей Драгоманова, ограничивая свои задачи культурно-національною работою въ области языка, литературы, школы. Наконецъ, для противодѣйствія развитію украинской культуры былъ изданъ знаменитый циркуляръ 1876 г., запрещающій „печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малороссійскомъ нарѣччі, за исключеніемъ лишь историческихъ документовъ и памятниковъ и произведеній изящной словесности“; воспрещались „различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“. Ввозъ украинской литературы изъ-за границы допускался только съ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ этомъ учреж-

деніи сосредоточивалось и разсмотрѣніе представляемыхъ въ цензуру произведеній украинской беллетристики.

Суровый режимъ этого циркуляра былъ въ послѣдствіи нѣсколько смягченъ въ отношеніи украинской сцены, но надъ украинскою литературою тяготѣлъ въ теченіе 30 лѣтъ безъ всякихъ послабленій. На практикѣ цензура даже расширяла его силу въ единственной области, не подвергшейся безусловному запрету,—беллетристикѣ. Руководясь добавочными инструкціями, цензора стремились вообще сокращать число украинскихъ произведеній, „при малѣйшемъ къ тому поводѣ“, „въ цѣляхъ чисто государственныхъ“. О возобновленіи украинской прессы, при такихъ условіяхъ, не приходилось думать, какъ и о школьно-педагогической литературѣ, о научной популяризаціи, о книгахъ для дѣтскаго чтенія. Весь подобный литературный матеріалъ, съ правительственной точки зрѣнія, представлялся особенно опаснымъ, именно какъ орудіе развитія украинской культуры. Задача, которую ставила передъ особою ирравительственная политика, ярче всего формулирована была цензурою по поводу запрещенія представленнаго однимъ изъ кіевскихъ ученыхъ „Опыта грамматики малорусскаго языка“: „Нельзя разрѣшать къ печатанію грамматику языка, который обреченъ на небытіе“. вмѣстѣ съ языкомъ, очевидно, обрекалась на небытіе украинская культура и сама украинская народность.

Достичь этой цѣли великорусскій централизмъ, конечно, не былъ въ состояніи. Убить въ украинскомъ народѣ національную идею, претворить его въ аморфную массу, въ искусственное удобреніе для обширныхъ посѣвовъ великорусскаго націонализма, на которомъ, по завѣтамъ Московскаго царства, строилась Россійская имперія, полицейскими мѣрами было невозможно. Но нарушить естествен-

ный, здоровый ростъ духовной жизни украинскаго народа, задержать его культурное развитіе и экономическій подъемъ политика правительства успѣла въ полной мѣрѣ. Лишенная возможности свободно работать на пользу родного края, литературныя, научныя и общественныя силы Украины частью впадаютъ въ квіетизмъ, частью сливаются съ общероссійскими общественными движеніями и политическими теченіями, частью, наконецъ, переносятъ свою дѣятельность въ украинскую Галицію, гдѣ, благодаря болѣе свободнымъ условіямъ политической жизни, ведется широкая органическая работа въ области украинской литературы, науки, просвѣщенія, соціальной и національной политики.

IV.

Успѣхи и недочеты украинской культуры въ Россіи и Галиціи.

Къ концу XIX. в. и въ началѣ XX в. національная жизнь на Украинѣ проявлялась только въ области литературы и сценическаго искусства. Последнее одно время занимало особенно видное мѣсто въ ряду факторовъ украинской культуры, пробуждавшихъ и укрѣплявшихъ національное самосознаніе въ различныхъ слояхъ населенія Украины. Выросшее изъ глубокихъ корней народной жизни, это искусство получило широкое развитіе, выдвинувъ рядъ талантливыхъ писателей (Котляревскій, Карпенко-Карый, Кропивницкій, Винниченко и мн. др.) и цѣлую школу художественнаго реализма въ сценической постановкѣ пьесъ бытового репертуара. Въ своихъ лучшихъ образцахъ украинская драматургія послѣдовательно эволюционировала отъ примитивнаго этнографизма и національнаго сантиментализма до сложныхъ картинъ соціальныхъ отношеній, психологическихъ проблемъ и модернистическихъ настроеній.

Не менѣе крупныя успѣхи достигнуты украинскими писателями въ другихъ областяхъ изящной литературы. Здѣсь, кромѣ того исключительнаго проявленія народнаго генія, которое украинская литература получила въ лицѣ Шевченка, выдвинулся рядъ крупныхъ талантовъ, у которыхъ цензурныя утѣсненія не могли загасить творческаго

огня и подавить силу живого, яркаго народнаго слова. Кромѣ писателей-бытовиковъ (главные: И. Левицкій, Мирный, Свидницкій), пользуются извѣстностью—и не только на Украинѣ—беллетристы-психологи (Коцюбинскій, Винниченко), цѣлая плеяда выдающихся поэтовъ (Руданскій, Старицкій, Глѣбовъ, Косачъ, Олесь, Чупрынка и мн. др.). Въ общемъ, украинская литература, не взирая на ужасную ненормальность условій ея существованія въ Россіи, успѣла занять среди письменности славянскихъ народовъ почетное мѣсто, уступая по обилію яркихъ и оригинальныхъ талантовъ только русской и польской литературамъ.

Культивировать украинское слово для научной литературы въ Россіи не было возможности. Но и на русскомъ языкѣ украинскіе ученые, вдохновляемые національною идеею, успѣли произвести крупную работу по выясненію основныхъ вопросовъ украинской исторіи, этнографіи, фольклора, языка. Заслуги Костомарова, Антоновича, Житецкаго, Чубинскаго, Драгоманова и др. признаны русскою и западно-европейскою наукою; этими людьми положены были прочныя основы для дальнѣйшаго развитія украинскихъ изученій въ новыхъ условіяхъ, когда научная дѣятельность украинцевъ получила возможность сдѣлаться національною не только по содержанию, но и по формѣ.

Цѣнность, даже безотносительная, культурной работы украинскихъ писателей и ученыхъ, выразительно говоритъ о томъ, какого высокаго уровня культуры могла бы достичь Украина при иныхъ условіяхъ въ теченіе тѣхъ самыхъ десятилѣтій, которыя употреблены были правительствомъ на подавленіе украинской національной жизни. Въ дѣйствительности же, украинскому народу пришлось испытать большой упадокъ культурнаго развитія, а, въ связи съ этимъ, и экономическаго благосостоянія. Если въ XVII ст. Украина поражала своею

культурностью иностранцевъ, если въ XVIII ст. просвѣщеніе на Украинѣ, благодаря національной школѣ, было значительно выше, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ, то, черезъ сто лѣтъ централизаторской работы государства въ области народной школы, соотношеніе рѣзко измѣнилось въ обратную сторону. Гоненіе на родной языкъ украинцевъ, какъ на испорченную разновидность русскаго языка, годную лишь въ качествѣ мужицкаго жаргона, — лишило украинскую школу могучаго орудія просвѣщенія и привело народныя массы Украины къ безграмотству и невѣжеству. Добросовѣстныя усилія земскихъ школъ преодолѣть вліяніе нерациональной системы образованія даютъ относительно весьма слабые результаты. Уровень грамотности украинскаго населенія гораздо ниже среднихъ цифръ для всей Россіи (16,4% противъ 23,3%); рецидивъ безграмотства по окончаніи школы составляетъ обычное явленіе, особенно поразительное среди народа старой культуры и богатой духовной жизни. Зато не приходится удивляться экономической отсталости украинскыхъ губерній, неумѣнною украинскаго крестьянина использовать природныя богатства своего края и успѣшно бороться съ неблагоприятными вліяніями, переселенческой тягѣ изъ Украины въ далекія области Сибири.

Украинское общество болѣзненно ощущало опасность режима, угрожавшаго духовнымъ и матеріальнымъ заупустѣніемъ Украины, но не имѣло силъ и возможности внести какой-либо коррективъ въ созданное оффиціальной политикой положеніе дѣлъ. Многочисленныя заявленія и протесты украинскыхъ земствъ, просвѣдительныхъ организацій и педагогическихъ съѣздовъ противъ школьной системы, несущей въ народныя массы Украины не просвѣщеніе, а отупѣніе, оставались безъ отвѣта или навлекали административныя кары на смѣлыхъ протестантовъ. Попытки украинской интеллигенціи ор-

ганизовать частную начальную школу съ украинскимъ языкомъ преподаванія быстро были ликвидированы. Усилія создать популярно-научную литературу на украинскомъ языкѣ для внѣшкольнаго образованія разбивались о стѣну цензурныхъ загражденій. Успѣвшая пробиться сквозь всѣ эти препятствія струйка живого украинскаго слова съ меньшимъ трудомъ достигала до народа и, конечно, не была въ состояннн удовлетворить всѣ его духовные запросы. А обезсиленная тяжелой борьбой украинская интеллигенція теряла интересъ къ мѣстной работѣ и направляла свою энергію на инныя точки приложенія, ослабляя запасъ мѣстныхъ культурныхъ силъ и отрываясь отъ родной почвы. Къ тому же результату—духовной анеміи края—вела и организація средняго и высшаго образованія на Украинѣ, программы котораго были тщательнo освобожжены централистическимъ режимомъ отъ предметовъ, связанныхъ съ культурными и экономическими интересами мѣстнаго населенія: языкъ, литература, исторія украинскаго народа, экономика и статистика украинскихъ губерній—были недоступны украинскому юношеству, которое лишено было, такимъ образомъ, источника тѣхъ свѣдѣній, какія только и могли пробудить въ немъ здоровую любовь къ родной землѣ, уничтожить разобщенность между ея народными массами и образованнымъ обществомъ и предотвратить дальнѣйшій упадокъ края.

Придавленные въ Россіи творческія силы украинскаго народа нашли себѣ исходъ въ Галиціи. Этотъ обломокъ исторической Польши подъ австрійскимъ владычествомъ получилъ областную автономію, которая закрѣпила руководящее вліяніе въ краѣ за поляками. Положеніе украинской народности подъ польскимъ управленіемъ во многомъ было похоже на условія ея существованія въ Россіи: здѣсь также трактовали украинцевъ, какъ

разновидность господствующей народности—въ данномъ случаѣ польской—или какъ простой конгломератъ низшихъ соціальныхъ группъ; также пренебрегались интересы просвѣщенія, результатомъ чего была крайняя темнота украинскихъ народныхъ массъ и ихъ экономическое истощеніе; также, наконецъ, ставились препятствія развитію украинской культуры и національнаго самосознанія. Но общій политическій строй Австріи, во всякомъ случаѣ, обезпечивалъ за всѣми ея народностями—и въ томъ числѣ за украинскою—извѣстный минимумъ свободы и національныхъ правъ, давая возможность вести не только культурную работу, но и политическую борьбу. На почвѣ идей славянскаго возрожденія и не безъ вліянія со стороны російской Украины, въ Галиціи съ 30-хъ годовъ XIX в. начинается литературное движеніе среди русинской интеллигенціи, піонеры котораго отбросили примѣнявшійся до того „словено-русскій“ языкъ, перейдя на живую народную рѣчь. Событія 1848 г. расширили и укрѣпили это движеніе, связавъ его съ реальными нуждами русинскихъ народныхъ массъ. Украинскій языкъ былъ введенъ въ среднюю и высшую школу, организовалась общественная работа по распространенію начальнаго образованія, возникла украинская пресса. Съ 60-хъ годовъ въ борьбѣ галичанъ за національныя права начинаютъ принимать участіе уроженцы Украины, которымъ въ это время правительственная политика преградила путь для служенія интересамъ родины. Общими силами дѣятелей російской и австрійской Украины развивается въ Галиціи украинская наука, вырабатываются средства культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія народныхъ массъ, практически разрѣшаются проблемы національной жизни. Особенно большое значеніе имѣлъ для Галиціи переѣздъ за границу Драгоманова, вліянію котораго украинское движеніе этого періода, главнымъ

образомъ, обязано своею эволюціею въ сторону широкаго демократизма и общечеловѣческихъ соціальныхъ идеаловъ. Въ 90-хъ годахъ отдалъ свой трудъ Галиціи другой выдающійся украинскій дѣятель— профессоръ Грушевскій, съ именемъ котораго тѣсно связана интенсивная научная работа галичанъ, быстро выдвинувшая мѣстныхъ ученыхъ организациі на видное мѣсто.

Въ итогъ, Галиція въ концѣ ХІХ и началѣ ХХ в. сдѣлалась очагомъ украинскаго возрожденія, наглядно доказавъ великую жизнелюбивую силу національнаго начала, какъ средства пріобщенія народныхъ массъ къ благамъ міровой культуры и какъ источника новыхъ культурныхъ цѣнностей, создаваемыхъ національнымъ творчествомъ. Украинское движеніе получило въ культурномъ и экономическомъ ростѣ Галиціи твердую почву для дальнѣйшей борьбы за національную культуру и за права украинскаго народа на всей его территоріи. Галицко-буковинскіе украинцы выдвинули изъ своей среды рядъ крупныхъ литературныхъ талантовъ (Федьковичъ, Франко, Стефаникъ и др.) и признанныхъ европейскою наукою ученыхъ (Франко, Гнатюкъ, Горбачевскій); украинская пресса въ десяткахъ разнообразныхъ изданій обслуживала не только галицкое образованное общество, но и самые глубокие слои народныхъ массъ; общественныя организациі просвѣтительнаго и экономическаго характера покрыли своею сѣтью всю область, въ короткое сравнительно время успѣли существенно улучшить бытовыя условія мѣстнаго крестьянства и создали новые кадры національной интеллигенціи. Все это по праву дало Галиціи въ глазахъ россійскихъ украинцевъ ореолъ „украинскаго Пьемонта“, въ опытѣ котораго украинское движеніе черпало моральныя силы и увѣренность въ лучшемъ будущемъ.

Но и на галицкой почвѣ реакціонная и центра-

листоческая политика русскаго правительства вносила элементы раскола и разложенія въ національную работу украинскаго общества. Консервативные круги галицкой интеллигенціи, тяготѣвшіе съ первыхъ временъ галицкаго возрожденія къ русскому славянофильству и его политическимъ идеаламъ, вели упорную борьбу съ національно-демократическимъ движеніемъ, пользуясь моральной и матеріальной поддержкой изъ Россіи. Пропаганда идеи національнаго единства русскаго народа отъ Карпатъ до Камчатки, при явно сочувственномъ отношеніи къ этой пропагандѣ русскихъ оффиціальныхъ сферъ вызывала тревогу въ австрійскихъ оффиціальныхъ сферахъ и нарушала нормальный ходъ украинскаго движенія въ Галиціи. Съ обостреніемъ противоукраинской внутренней политики въ Россіи, Галиція все опредѣленнѣе становилась объектомъ объединительныхъ аппетитовъ русскихъ націоналистовъ, согласовавшихъ въ одномъ идеалѣ подавленіе національной жизни на Украинѣ съ стремленіемъ къ освобожденію „подъяремной Руси“ отъ иноземнаго ига. Естественнымъ результатомъ такихъ настроеній въ Россіи было постепенное нарастаніе взаимной подозрительности между Россією и Австро-Венгріей.

V.

Оживленіе украинскаго движенія въ Россіи. Новый періодъ репрессій. Теченія политической мысли на Украинѣ.

Перемѣна въ украинской политикѣ правительства наступила вмѣстѣ съ общимъ крахомъ абсолютизма въ 1904—1905 гг. Официальные круги сочли своевременнымъ прислушаться къ немолкавшимъ протестамъ украинскаго общества и поставить на очередь вопросъ о снятіи съ украинскаго слова спеціальныхъ ограниченій. Комитетъ министровъ призналъ, что цензурный режимъ 1876 г., „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчій книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“. Разрѣшено изданіе 40 лѣтъ бывшаго подъ запретомъ украинскаго евангелія. Манифестъ 17 октябрю снялъ остальные пута съ украинскаго народа и далъ возможность украинцамъ, въ короткій періодъ 1904—1907 гг., проявить большую интенсивность національно-культурной работы. Оживилось популярно-научное издательство, возникли десятки органовъ періодической прессы на украинскомъ языкѣ, открылись украинскіе курсы при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народились многочисленныя просвѣтительныя организаціи („Просвіта“), объединившія мѣстную украинскую интеллигенцію

въ работѣ по внѣшкольному образованію, устройству сельскихъ библіотекъ, чтеній, бесѣдъ и развлеченій. Реорганизациі народной школы на Украинѣ требуютъ коллективныя заявленія отъ разнообразныхъ круговъ украинскаго общества вплоть до крестьянства. Въ первой и второй Государственныхъ Думахъ организуются украинскія фракціи, поставившія своєю задачею проведенія въ законодательномъ порядкѣ требованій національной программы: о родномъ языкѣ въ школахъ, о нѣкоторыхъ сторонахъ земельного вопроса, объ автономіи. Быстрая смѣна событій и возвратъ реакціи не позволили украинскому представительству осуществить національныя чаянія, но они были сознательно выставлены и вѣско обоснованы избранниками демократическихъ слоевъ украинскаго народа.

Вновь укрѣпившее свои вѣсковыя устои правительство, послѣ роспуска второй Государственной Думы, оперлось на политику великорусскаго націонализма, ставя своєю задачею огражденіе государства отъ напора всякаго рода разрушительныхъ идей и, въ томъ числѣ, отъ инородческихъ стремленій, вредныхъ для господствующей народности. Съ особеннымъ ожесточеніемъ правительство возобновило репрессіи противъ украинцевъ и было въ этомъ поддержано націоналистически настроенными кругами русскаго общества. Успѣхи украинскаго движенія въ Галиціи и сочувственное отношеніе къ нему со стороны украинской интеллигенціи въ Россіи явились обостряющимъ моментомъ въ этой фазѣ борьбы съ украинскимъ „сепаратизмомъ“. Галицкіе украинцы-народники, не стѣсняяшіеся въ выраженіяхъ своей вражды къ русскому строю и режиму, были объявлены въ націоналистической прессѣ отщепенцами— „мазепинцами“, и этимъ новымъ терминомъ было клеймено все украинское національное движеніе въ цѣломъ.

Главное вниманіе администраціи на этотъ разъ было обращено на дѣятельность украинскихъ общественныхъ организацій. Въ началѣ 1910 г. Столыпинъ въ рядѣ циркуляровъ объявляетъ общественное объединеніе на почвѣ національныхъ интересовъ „несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ“ и предписываетъ не разрѣшать обществъ „инородческихъ, въ томъ числѣ украинскихъ и еврейскихъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей“, а также пересмотрѣть уже выданныя разрѣшенія. Одна за другою закрываются украинскія „Просвіти“ и клубы, запрещаются украинскія лекціи, снимается съ обсужденія вопросъ о родномъ языкѣ въ школахъ; усиленнымъ карамъ подвергается украинская пресса, воздвигаются гоненія на традиціонныя формы общественнаго чествованія памяти украинскаго гонія—Шевченка. Борьба съ украинствомъ опредѣляется какъ государственная задача, озабочивающая Россію съ XVІІ столѣтія...

Передъ украинскимъ обществомъ вновь возникли перспективы возврата къ національной простраціи 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Ростъ націоналистическихъ настроеній окружалъ правительственную политику въ украинскомъ вопросѣ атмосферою общественнаго сочувствія. Волна вражды къ украинскимъ стремленіямъ захватила даже нѣкоторую часть прогрессивныхъ круговъ русскаго общества. Идеиный руководитель этихъ теченій политической мысли, Струве объявилъ государственно-опасною даже культурную программу украинскаго движенія и призывалъ общество „энергично и безъ всякихъ поблажекъ вступить въ идейную борьбу съ украинствомъ“. Правда, въ болѣе широкихъ кругахъ общества фанатическая проповѣдь Струве не встрѣчала сочувствія, а полицейская политика Столыпина и его преемниковъ вызывала протесты на страницахъ прогрессивной:

прессы и активную защиту украинских национальных нужд со стороны лѣвыхъ фракцій Государственной Думы. Но на практикѣ все же для національно-культурной работы на Украинѣ создалась удручающе отрицательная обстановка, и украинская интеллигенція, въ связи съ общою безнадежною оцѣнкою политическаго положенія въ Россіи, не могла относиться къ будущимъ судьбамъ своего народа и его идеаловъ иначе, какъ съ самымъ мрачнымъ пессимизмомъ.

Въ этотъ періодъ окончательно опредѣлились главнѣйшіе оттѣнки украинскаго политическаго міровоззрѣнія, легшіе въ основу партійной дифференціаціи въ украинскомъ обществѣ. Эволюція украинскихъ лозунговъ въ XIX—XX вв., подъ давленіемъ ненормальныхъ условій украинской національной жизни, была весьма медленною и сложною. Послѣ разгрома Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, украинское народничество старательно устраняетъ изъ своихъ программъ политическій моментъ. Въ этой стадіи все движеніе было еще „укаинофильскимъ“: за его дѣятелями числятся крупныя заслуги передъ украинскимъ національнымъ возрожденіемъ, но они служили ему еще съ высотъ русской культуры, русской интеллигентской мысли. „Громады“—интеллигентскіе кружки, въ которыхъ сосредоточивалось движеніе, поддерживали огонь національной идеи и вели, въ предѣлахъ возможнаго, мирную культурную работу, но не могли и не стремились установить идейную связь съ корнями народной жизни и съ движеніями, направленными къ ея переустройству. Только Драгомановъ ввелъ въ укаинофильство идеи политическаго и соціальнаго реформаторства, положивъ основаніе соціалстическимъ теченіямъ украинства. Въ условіяхъ русской дѣйствительности идеи Драгоманова прививались туго и не безъ протестовъ со стороны укаино-

филловъ стараго типа, но въ Галиціи его послѣдователи (Франко, Павликъ и др.) въ концѣ 80-хъ годовъ уже организовали политическое движеніе подъ флагомъ радикальной украинской партіи, нашедшей благопріятную почву въ крестьянской средѣ и не оставшейся безъ вліянія на украинское общество въ Россіи. Въ началѣ 90-хъ годовъ украинофильскія громады уже не удовлетворяютъ стремленіямъ молодого поколѣнія, проявляющаго опредѣленный уклонъ въ сторону галицкаго радикализма. Въ качествѣ опыта новыхъ формъ единенія украинской интеллигенціи, въ Кіевѣ возникаетъ организація „Тарасовцевъ“, имѣвшая развѣтвленія и въ другихъ городахъ Украины. Въ 1897 г. основывается всеукраинская организація, объединившая въ себѣ сознательные элементы украинства того времени въ формѣ федераціи мѣстныхъ громадъ, съ выборнымъ совѣтомъ во главѣ („рада“). Дѣятельность этой организаціи на практикѣ все еще не выходила за предѣлы чистаго культурничества, но она уже постепенно претворяла аморфныхъ „украинофиловъ“ въ „украинцевъ“ съ яснымъ національнымъ самосознаніемъ и опредѣленнымъ политическимъ міровозрѣніемъ въ духѣ широкаго демократизма.

Первою партійною организаціею на украинской почвѣ была „Революціонная украинская партія“ (Р. У. П.), основанная около 1900 г. Это былъ скорѣе блокъ разнородныхъ элементовъ, объединенныхъ соціалистическими настроеніями и отрицательнымъ отношеніемъ къ тактикѣ старшихъ поколѣній украинскаго общества. Рядомъ съ этою партіею возникла, вскорѣ затѣмъ слившаяся съ нею, „Соціалистическая украинская партія“ (С. У. П.), которая еще рѣзче порывала съ традиціями украинофильства, но сама впадала въ другую крайность, вовсе отрицая всякую культурную работу.

Постепенно „Р. У. П.“ эволюционировала къ доктринѣ чистой социаль-демократіи и въ 1905 году часть партіи присоединилась къ русской социаль-демократической организаціи, въ видѣ особой украинской фракціи („С. Д. Спѣлка“—т. е. с. д. союзъ), а другая реорганизовалась въ самостоятельную „Украинскую социаль-демократическую рабочую партію“ („У. С.-Д. Р. П.“). Ея существеннымъ отличіемъ отъ русской социаль-демократіи, кромѣ украинскихъ національныхъ формъ въ программѣ и практической работѣ, является постулатъ автономіи Украины, съ теченіемъ времени углубленный и развитый въ изданіяхъ партіи солидными обоснованіями. Въ народныхъ массахъ—у крестьянъ, рабочихъ и въ войскахъ—эта партія постепенно пріобрѣла широкую популярность.

Изъ кадровъ Р. У. П., въ первой стадіи ея организаціи, вышла „Украинская народная партія“ (У. Н. П.), поставившая на своемъ знамени крайніе лозунги украинскаго націонализма вплоть до политическаго обособленія. Какъ естественная реакція на оффиціальную политику великорусскаго активнаго націонализма, принципъ „Украина для украинцевъ“ находилъ себѣ логическое объясненіе и пищу въ условіяхъ русской дѣйствительности,—но все же направленіе, представляемое партією „У. Н. П.“ не получило широкаго распространенія и пользовалось симпатіями преимущественно среди нѣкоторой части учащейся молодежи.

Съ 1904 г. члены широкихъ круговъ украинской интеллигенціи, связанныхъ безпартійною организацією мѣстныхъ „громадъ“ реорганизовались въ двѣ политическія партіи: „демократическую“ и „радикальную“. Первая была близка по составу и міровоззрѣнію къ русской „общеземской и городской организаціи“ и „союзу освобожденія“; вторая

была ближе по программѣ и тактикѣ къ народнымъ социалистамъ. Вскорѣ, однако, обѣ партіи слились, не взирая на нѣкоторую разнородность своихъ составныхъ элементовъ, въ одну „радикально-демократическую“ партію, объединивъ, такимъ образомъ въ себѣ наиболѣе активные элементы украинскаго общества. Программа этой партіи, вполне опредѣленная въ основныхъ національныхъ лозунгахъ, требовала болѣе детальной разработки въ экономической и социальной частяхъ,—но эта внутренняя партійная работа была прервана столыпинскою реакціею, подъ давленіемъ которой обще-украинская организація вновь превратилась въ беспартійный „союзъ украинскихъ прогрессистовъ“ („Товариство українськихъ поступовців“ или „Т. У. П.“), политическая программа-минимумъ которой ограничивалась тремя постулатами: парламентаризмъ, какъ основа общаго государственнаго строя; федеративное устройство Россіи, какъ гарантія правъ населяющихъ ее народностей; національно-территориальная автономія Украины въ составѣ Россійской федераціи. На этой программѣ происходило дальнѣйшее развитіе общеукраинской организаціи, въ которую постепенно вошли самые разнообразныя партійныя элементы, отъ российскихъ „кадетъ“ до украинскихъ социаль-демократовъ.

Политическая мысль украинскаго общества кристаллизовалась, такимъ образомъ, въ трехъ главныхъ направленіяхъ: социального реформаторства, націоналистическихъ стремленій и демократическаго радикализма. Но въ основныхъ национальныхъ постулатахъ, подъ вліяніемъ реальныхъ требованій момента, всѣ три теченія близко сходились между собою, объединяя всю интеллигенцію Украины въ одномъ стремленіи—прежде всего отстоять отъ враждебнаго гнета національныя права украинскаго народа и найти пути для улучшенія

условія его національной жизни. Какъ мы видѣли, надежды на это улучшеніе, съ дальнѣйшимъ обостреніемъ внутренней политики правительства не только не увеличивались, но скорѣе ослабѣвали... Въ скоромъ времени нагрѣли осложненія въ украинскомъ вопросѣ и со стороны вѣшной политики Россіи.

VI.

Событія послѣднихъ лѣтъ.

Опираясь на партію націоналистовъ въ своей тактикѣ, правительство не могло, въ свою очередь, не считаться со взглядами и настроеніями этой партіи въ отдѣльныхъ вопросахъ, въ томъ числѣ и въ украинскомъ. Усилившійся, въ связи съ этимъ, интересъ оффиціальныхъ круговъ къ галицкимъ дѣламъ отразился оживленіемъ дѣятельности галицкихъ москвофиловъ, выразившейся, между прочимъ, въ пропагандѣ православія среди уніатскаго крестьянства. Нѣсколько религіозно-политическихъ процессовъ, созданныхъ на этой почвѣ австрійско-польской администраціей, усилили возбужденіе націоналистовъ противъ австрійскаго режима въ Галиціи; въ 1911 г. обостреніе австро-русскихъ отношеній едва не привело къ войнѣ. Событія на Балканахъ временно ослабили вниманіе Россіи къ „подъяремной Руси“, но вмѣстѣ съ тѣмъ осложнили и запутали общее политическое положеніе. Задачи русской политики на ближнемъ Востокѣ не только не приблизились къ разрѣшенію, но встрѣтили новое препятствіе во взаимной борьбѣ балканскихъ народностей. Въ то же время балканская политика Австро-Венгріи и Германіи дѣлалась все болѣе активной.

Германскій имперіализмъ, въ своемъ стремленіи къ міровой гегемоніи, издавна учитывалъ всѣ

внутреннія осложненія въ государствахъ, стоящихъ на германской дорогѣ. Естественно, не могло пройти мимо вниманія германскихъ политиковъ ненормальное положеніе украинскаго вопроса въ Россіи. На этомъ вопросѣ, какъ и на развитіи балканскихъ междоусобій, несомнѣнно, строились опредѣльные расчеты австро-германскихъ империалистовъ, раскрывавшіеся въ нѣмецкой прессѣ и спеціальной литературѣ. Заимствованный изъ этого источника матеріалъ далъ поводъ русскимъ націоналистическимъ кругамъ открыть въ началѣ 1914 г. цѣлый крестовый походъ противъ украинской національной идеи. Галицко-украинскіе политики, а за ними и вся украинская интеллигенція, въ качествѣ „мазепинцевъ“, были объявлены врагами Россіи; ихъ дѣятельность сдѣлалась объектомъ ожесточенныхъ нападеній, имъ бросались упреки въ отступничествѣ и служеніи германскимъ интересамъ. Соотвѣтственно усилились и административныя репрессіи противъ украинской прессы и оставшихся еще не ликвидированными общественныхъ организацій Украинское движеніе въ цѣломъ было привлечено къ отвѣтственности за всѣ старые грѣхи русской централистической политики и сдѣлалось первою жертвою международныхъ осложненій еще до начала міровой войны.

Разразилась, наконецъ, и давно назрѣвавшая военная гроза. Галиціи суждено было сдѣлаться ареною первыхъ успѣховъ русскаго наступленія, — и эти успѣхи дали возможность русскимъ націоналистамъ осуществить давно уже намѣченный ими планъ уничтоженія „гнѣзда мазепинства“. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ русской оккупации украинская Галиція испытала ужасы управленія на „истинно-русскихъ“ началахъ. Не осталась неразрушенной ни одна область украинской культурной и общественной жизни, были закрыты всѣ учебныя и просвѣтительныя учрежденія, запрещена пресса,

подвергнута уничтоженію литература, разорены экономическія организаціи; вся, оставшаяся на мѣстахъ, интеллигенція—священники, учителя, чиновники, наиболѣе сознательные элементы народныхъ массъ—тысячами эвакуировались въ Россію, гдѣ терпѣли тяжелыя лишенія въ полицейскихъ участкахъ, тюрьмахъ, на этапахъ и въ ссылки. Въ то же время вторгнувшіеся въ Галицію съ войсками „ташкентцы“ въ мундирахъ, сюртукахъ и рясахъ производили надъ оставшимся населеніемъ деморализующіе эксперименты „добровольнаго“ присоединенія къ православію и ветѣдренія идеаловъ русскаго единства. Почва, казалось, уже была расчищена, ненавистное „мазепинство“ сметено съ лица галицкой земли, оставалось покончить съ его остатками въ самой Россіи. Первые шаги въ этомъ направленіи уже были сдѣланы тотчасъ по открытіи военныхъ дѣйствій: воѣ органы украинской печати были закрыты военными властями, но смотря на вполне лояльный тонъ статей и заявленій, сдѣланныхъ украинскими публицистами въ связи съ войною. Многие украинскіе дѣятели, начиная съ проф. Грушевскаго, были высланы въ отдаленныя губерніи. Украинскій народъ, безропотно несшій матеріальныя жертвы въ общегосударственныхъ интересахъ и отдававшій правительству своихъ сыновъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, вынужденъ былъ молча терпѣть моральныя муки братоубійственнаго участія въ завоеваніи и разореніи Галиціи, вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, вынести разрушеніе галицкой культуры и ожидать затѣмъ самой мрачной реакціи, угрожавшей уничтоженіемъ всего, что было достигнуто трудами многихъ поколѣній во имя національной украинской идеи.

Но особенности „истинно-русскихъ“ порядковъ въ государствѣ вскорѣ дали себя почувствовать, и русскимъ войскамъ пришлось начать отходъ

изъ Галиціи, закончившіяся потерєю Львова и общимъ отступленіемъ по всему фронту. Тяжелыя потери и открывшіяся язвы управленія отрезвили, наконецъ, увлекшихся націоналистовъ. Правительственный режимъ въ оставшейся подъ русскою оккупациею части Галиціи былъ значительно смягченъ. Общее отношеніе оффиціальныхъ круговъ къ украинскому движенію, однако, не измѣнилось: украинская литература продолжала испытывать цензурный гнетъ, высланные галичане оставались въ тяжелыхъ условіяхъ, а украинскіе дѣятели по прежнему были подъ подозрѣніемъ. Было ясно, что руководители русской политики не отказываются отъ своихъ надеждъ на подавленіе украинской національной идеи; всякое улучшеніе дѣлъ на русскомъ фронтѣ оживляло эти надежды и вдохновляло администрацію на новыя мѣропріятія противъ украинцевъ. Для общественной работы на Украинѣ создавались, явно, безнадежныя условія. Грядущая ликвидація войны грозила вернуть украинское общество къ до-конституціонному режиму, «закрывъ всякую возможность проявленій украинской національной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ планахъ ликвидаціи войны постепенно выяснились такія предположенія съ русской стороны, которыя свидѣтельствовали о весьма своеобразномъ преломленіи лозунга „освобожденія подъяремной Руси“: намѣчается передача украинскихъ земель Буковины въ руки Румыніи, даются какія-то обѣщанія полякамъ относительно сохраненіе въ Галиціи польскаго характера управленія...

Отношеніе украинскаго общества къ міровой войнѣ и къ положенію, занятому въ ней Россіей, было весьма сложнымъ. Руководящіе органы украинской прессы, наканунѣ ея насильственнаго прекращенія, высказались въ смыслѣ дружнаго участія украинцевъ въ общей работѣ по защитѣ родной земли отъ вражескаго нашествія. Это участіе

выразилось въ разнообразныхъ формахъ организованной помощи государству—устройствомъ лазаретовъ, питательныхъ пунктовъ для бѣженцевъ, сборомъ пожертвованій. Даже грубыя репрессіи противъ украинской прессы, общественныхъ организацій и отдѣльныхъ дѣятелей не отвратили украинцевъ отъ выполненія своего долга по отношенію къ общему отечеству. Оппозиціонныя настроенія, основанныя на сочувствіи къ Галиціи, наблюдались преимущественно въ кружкахъ украинской молодежи и вліятельной роли не играли. Призывъ верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ и къ народамъ Австріи вызвалъ въ украинскомъ обществѣ скорѣе оптимистическія ожиданія: лозунгъ „освободительной войны“ предполагалъ прежде всего не менѣе справедливое отношеніе къ украинскому населенію, какъ и къ другимъ народностямъ Австріи. Въ возможномъ присоединеніи Галиціи къ Россіи усматривались свои хорошія стороны: усиленіе кадровъ украинской интеллигенціи и перспектива интенсивной національной работы съ помощью галицкихъ общественныхъ силъ и политическаго опыта.

Тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе. Проявленный въ Галиціи сознательный вандализмъ русскихъ властей по отношенію къ украинской культурѣ раскрылъ глаза украинскому обществу на истинныя задачи русской политики. Потрясающія впечатлѣнія галицкихъ событій произвели крутой переломъ въ настроеніи даже такихъ украинцевъ, которые давно утратили національное самосознаніе, тѣсно слившись съ русскими общественными кругами. Въ украинскомъ обществѣ рѣзко усилились пораженческія теченія. Стало ясно, что побѣда Россіи несетъ съ собою украинцамъ не свободу, а торжество реакціи и продолженіе прежней политики насилія и безправія. Въ крайнихъ теченіяхъ украинскаго общества проявилась даже гер-

манская „орієнтація“, какъ результатъ полной утраты вѣры въ лучшее будущее украинской народности подъ русскимъ управленіемъ. Широкіе круги украинской интеллигенціи не стали, однако, на эту точку зрѣнія, ограничившись заявленіемъ своей нейтральности по отношенію къ войнѣ: сочувствіе враждебнымъ Россіи силамъ признавалось нолольшимъ; отъ выступленій неотвѣтственныхъ группъ украинской эмиграціи, открыто примкнувшихъ къ Германіи; російскіе украинцы опредѣленно отмежевались; но и активное содѣйствіе русской политикѣ уже не могло быть пріемлемо для украинскаго чувства.

Два съ половиною года бѣдствій войны,—съ безплодными кровавыми жертвами, съ огромными потерями въ культурныхъ силахъ и матеріальныхъ средствахъ государства,—привели украинское общество къ убѣжденію въ безцѣльности дальнѣйшихъ усилій неорганизованной, некультурной и распатанной полицейскимъ строемъ Россіи одолѣть сильную своею организаціею, техникою и культурою Германію. Въ украинскихъ политическихъ заявленіяхъ начала 1917 г. высказывается жажда скорѣйшаго мира, какъ единственнаго средства убересть страну отъ полнаго духовнаго и матеріальнаго упадка, къ которому вела ее политика царскаго правительства. Прогрессивнымъ кругамъ русскаго общества украинцы слали горькія укоризны за оказанную этой политикѣ поддержку и за равнодушіе, проявленное ими къ судьбамъ украинской народности, существованіе которой было одной изъ ставокъ Россіи въ міровой войнѣ...

VII.

Итоги русско-украинскихъ отношеній.

Русско-украинскія отношенія, такимъ образомъ, запутались въ узелъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Естественное, органическое стремленіе украинцевъ сохранить за своею народностью права національнаго самоопредѣленія встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе со стороны государственнаго аппарата и вліятельныхъ общественныхъ круговъ. Бюрократическій централизмъ, великорусскій націонализмъ и имперіализмъ, лежавшіе въ основѣ русскаго строя, отодвинули украинское движеніе въ категорію противогосударственныхъ явленій и обусловили рѣзко реакціонную правительственную политику въ украинскомъ вопросѣ, построенную на насиліи надъ культурою и на административномъ произволѣ. Украинская національная идея объявлялась либо продуктомъ интеллигентскихъ увлеченій, либо явленіемъ наноснымъ, порожденіемъ иноземной интриги. Украинская культура, съ ея глубокими корнями въ исторіи края и въ жизни народныхъ массъ, была обречена на исчезновеніе. Оппозиція оффиціальной политикѣ со стороны прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества носила пассивный характеръ и не могла оказать на нее замѣтнаго вліянія. Горячіе протесты, ходатайства и заявленія самыхъ украинцевъ оставались безплодными, не вызывая въ руководящихъ сферахъ ни вниманія, ни довѣрія. Въ украинскихъ настроеніяхъ, рядомъ съ ненавистью къ мертвя-

щему государственному укладу Россіи, развивается враждебное чувство и къ создавшей этот укладъ господствующей народности. Прогнозы будущаго могли быть, при такихъ условіяхъ, для украинцевъ только самыми мрачными...

Этотъ гордіевъ узелъ, какъ и всѣ другіе многочисленныя узлы русской государственной и общественной жизни, былъ разрубленъ, наконецъ, февральской революціей 1917 г.

Волшебное освобожденіе Россіи отъ цѣпей абсолютизма вновь укрѣпило ослабнувшія было связи украинцевъ съ русскимъ обществомъ. Коренное измѣненіе государственнаго строя открыло широкія возможности и радужныя перспективы для всѣхъ національныхъ вопросовъ страны. Послѣ заявленнаго временнымъ правительствомъ утвержденія независимости Польши, послѣ возврата Финляндіи прежнихъ правъ автономной области, на ближайшую очередь, очевидно, долженъ быть поставленъ вопросъ объ установленіи для всей Россіи такого строя, который отвѣчалъ бы чаяніямъ населяющихъ ее народностей, обеспечивая свободу ихъ національнаго развитія. При общемъ переустройствѣ государства на началахъ цѣлесообразности, права и справедливости, не могутъ быть пренебрежены идеалы украинскаго народа, выработанные его исторіей и сохраненные имъ до настоящаго времени, въ теченіе сотенъ лѣтъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ политическаго существованія. И эта вѣра въ грядущее возрожденіе Украины не замедлила отразиться новымъ рѣзкимъ измѣненіемъ украинскихъ настроеній. Въ свободной Россіи украинцы уже не могутъ занимать нейтральную позицію: добытая народомъ свобода является общимъ драгоцѣннымъ достояніемъ, которое необходимо отстаивать общими силами. Не будетъ ничего неожиданнаго, если и въ галицкихъ общественныхъ кругахъ и въ группахъ

украинскихъ эмигрантовъ произойдетъ поворотъ въ сторону „россійской оріентаціи“: разъ въ Россіи—свобода, лучше быть всѣмъ вмѣстѣ.

Съ первыхъ дней новаго строя украинскія общественныя организаціи повсемѣстно занялись формулировкой своихъ политическихъ программъ и пожеланій, обращенныхъ къ временному правительству. Образовались по городамъ мѣстные національныя украинскіе совѣты изъ представителей существующихъ организацій, для согласованныхъ дѣйствій въ защиту національныхъ интересовъ. Въ Кіевѣ организовался центральный совѣтъ („центральна українська рада“). Состоялся рядъ украинскихъ съѣздовъ—партийныхъ, классовыхъ и профессиональныхъ. Наконецъ, былъ созванъ въ Кіевѣ многолюдный національный украинскій конгрессъ, своими постановленіями отвѣтившій всѣмъ запросамъ момента и формулировавшій основные постулаты политической украинской программы. На этихъ постулатахъ объединились главныя, существующія въ настоящее время, украинскія партіи: возродившаяся радикально-демократическая, социаль-демократическая рабочая партія и партія украинскихъ социалистовъ-революціонеровъ. Обычныя партийныя разногласія въ сферѣ экономическихъ и социальныхъ интересовъ и въ вопросахъ тактики не нарушили ихъ единства въ пониманіи общихъ національныхъ интересовъ украинскаго народа.

Центральнымъ пунктомъ украинскихъ требованій является возстановленіе національно-территориальной автономіи Украины, въ связи съ общимъ преобразованиемъ Россіи на федеративныхъ началахъ. Поэтому форма государственнаго устройства, наиболее отвѣчающая украинскимъ интересамъ, есть федеративная демократическая республика: эту форму и будутъ отстаивать украинцы на учредительномъ собраніи. Права національнаго меньшин-

ства живущих на Украинѣ народностей будутъ, конечно, вполне гарантированы. Автономный строй Украины санкціонируется общероссійскимъ учредительнымъ собраніемъ; разрѣшеніе коренныхъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, касающихся украинскаго населенія,—и прежде всего земельного вопроса,—составляетъ компетенцію учрежденій автономнаго строя.

Впредь до осуществленія украинской автономіи, украинское общество, опираясь на интересы и поддержку широкихъ народныхъ массъ, требуетъ: признанія за украинскимъ языкомъ права на свободное примѣненіе въ общественныхъ и административныхъ учрежденіяхъ края; назначенія должностныхъ лицъ въ край изъ людей близко знакомыхъ съ его бытовыми условіями и языкомъ населенія; введенія въ народныя школы украинскаго языка и постепенной украинизаціи средней и высшей школы въ украинскихъ губерніяхъ.

Для оккупированной части Галиціи и Буковины украинцы требуютъ возстановленія прежняго строя мѣстной политической и общественной жизни и прежнихъ національныхъ правъ украинскаго населенія, а сверхъ того—освобожденія и возврата изъ ссылки всѣхъ галичанъ и буковинцевъ, пострадавшихъ отъ русскаго управленія на почвѣ ненависти павшаго режима къ украинской національной культурѣ.

Таковы главнѣйшія стремленія украинскаго народа, съ которыми онъ вступаетъ въ открывающійся для Россіи періодъ государственнаго строительства на новыхъ началахъ. Отъ положительнаго или отрицательнаго отношенія къ этимъ стремленіямъ со стороны правительственныхъ сферъ и широкихъ круговъ русскаго общества зависитъ, будетъ-ли, наконецъ, ликвидированъ почти триста лѣтъ тяготѣвшій надъ Россією украинскій вопросъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Украина до соединенія съ Московскимъ царствомъ	5
II. Украинская политика Москвы и Россіи въ XVII—XVIII вв.	9
III. Національное возрожденіе на Украинѣ и репрессіи противъ украинской идеи . .	15
IV. Успѣхи и недочеты украинской культуры въ Россіи и Галиціи	23
V. Оживленіе украинскаго движенія въ Россіи. Новый періодъ репрессій. Теченія политической мысли на Украинѣ	30
IV. Событія послѣднихъ лѣтъ	38
VII. Итоги русско - украинскихъ отношеній	44

Au 18580

+